

Военно-историческія замѣтки.

(Окончаніе ¹⁾).

ОЦИФРОВАНО
РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«ВОЕННЫЙ СБОРНИК»

II.

Русская армія при Екатеринѣ II.

такъ, разрывъ съ Швеціей былъ неизбеженъ. Густавъ давно уже усиленно вооружался. Россія приходилось мобилизоваться и выставить силу, могущую сдержать натискъ шведовъ.

Война 1788—1790 гг. въ общемъ прошла вяло, безъ особенно серьезныхъ боевыхъ операцій и видныхъ подвиговъ.

Ни у К. Ф. Ордина, ни у шведскихъ и финляндскихъ историковъ нѣтъ описанія состоянія русскихъ боевыхъ силъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что первоначальныя причины вялаго хода кампаніи скрыты въ самой пашей арміи, ея устройствѣ, ея дисциплинѣ, умственномъ и нравственномъ уровнѣ. Этотъ факторъ необходимо ввести въ исторію, ибо онъ многое уясняетъ. Нравственные достоинства арміи, несомнѣнно, имѣютъ весьма важное значеніе для

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» № 7.

политической исторіи. Внутренняя сила арміи неизбѣжно предопредѣляетъ ея успѣхи или неудачи.

«Всѣмъ, конечно, извѣстно,—писалъ кн. Андр. Ив. Вяземскій въ 1774 г.,—что слава и безопасность государства состоитъ въ солдатахъ, и что та земля, которая имѣетъ, по своимъ силамъ, многочисленную и въ лучшемъ порядкѣ содержимую армію, та и безопаснѣе» (Арх. кн. Вяземскаго. Спб., 1881 г., стр. 4).

Уже въ первый годъ царствованія Екатерины II образована была при Высочайшемъ дворѣ особая воезная комісія для производства требуемыхъ реформъ, а военной коллегіи сдѣлано напоминаніе, чтобы она давала свои заключенія по дѣламъ, а не ограничивалась канцелярской ихъ пересылкой. Для устраненія недостатковъ, обнаруженныхъ Семилѣтней войной, учрежденъ былъ генеральный штабъ.

Русское военное дѣло въ царствованіе Екатерины II было поднято на небывалую высоту; въ ея время,—какъ писалъ профессоръ Д. О. Масловскій,—установленъ прочный фундаментъ нравственныхъ традицій русскаго войска. По словамъ профессора П. П. Михневича, общая численность арміи возросла съ 330 до 500 тыс., значительно поднята ея боевая подготовка и обученіе, открыты болѣе широкіе источники комплектованія войскъ, увеличено количество конницы и пр. Таковы итоги организационныхъ работъ этого царствованія. Войны времени Екатерины выдвинули славныя имена Суворова, Румянцева, Потемкина, Зах. Чернышева, Н. Репнина, Прозоровскаго, Каменскаго, Голенищева-Кутузова и др. «Блестящія побѣды русскихъ войскъ времени Екатерины объясняются, по мнѣнію П. П. Михневича, прежде всего ихъ высокими духовными качествами, въ значительной степени завнѣвшими и отъ правильной системы воспитанія войскъ». Въ области дисциплины Румянцевъ требовалъ приведенія нижнихъ чиновъ «въ приличное военнымъ людямъ состояніе» внушеніемъ имъ «добропорядочной жизни, вѣжливаго обхожденія и чистоты». Въ арміи Румянцева побой были уничтожены. Потемкинъ находилъ, что «солдатъ есть названіе честное» и потому старался поднять его нравственное достоинство. Знаменитый Суворовъ внушалъ своимъ «чудо-богатырямъ» милостивое обращеніе съ побѣжденными и обывателями. «Не обижай обывателя,—говорилъ онъ солдатамъ,—онъ тебя кормитъ и поитъ». Ясно, что общій духъ требованій вѣка проникалъ въ военную среду и пускалъ тамъ корни.

Во всѣхъ этихъ обобщеніяхъ и фактахъ кроется доля преувеличеній. Современные намъ русскіе военные обозрѣватели періода Екатерины II въ значительной мѣрѣ панегиристы; видимо, они восхищены результатами кампаній и мало обратили вниманія на тѣневныя стороны, сокрытыя въ бытовой жизни войска. А между тѣмъ ихъ не мало. Несомнѣнно, что въ казармахъ работали вредныя для арміи элементы, и происходили очень большія злоупотребленія, которыя не могли не отозваться на боевой готовности войска и на духовномъ его закалѣ.

О состояніи арміи въ царствованіе Екатерины накопилось солидныхъ свидѣтельствъ современниковъ, изъ которыхъ большая часть сами служили въ ея рядахъ и близко изучили дѣло. Мы воспользуемся для нашей характеристики главнымъ образомъ матеріаломъ, оставленнымъ этими современниками и извлечемъ изъ ихъ мемуаровъ преимущественно то, въ чемъ они согласны между собой, т. е. то, о чемъ одинаково говорятъ разные лица. Эти данныя, сколько намъ извѣстно, не собраны въ одну картину, а она представляетъ несомнѣнный интересъ и имѣетъ историческое значеніе.

Картина общаго состоянія военной силы Имперіи Екатерины II, нарисованная современниками, покрыта густымъ слоемъ мрачныхъ красокъ, по въ ней есть просвѣты, которые искупаютъ многое. Свидѣтели видѣли большія неустройства, иногда почти хаотическое состояніе; они наблюдали безчисленныя злоупотребленія, и тѣмъ не менѣе царствованіе Екатерины прославлено побѣдами, государственная территория увеличена болѣе чѣмъ на 11,000 квадратныхъ миль, границы Имперіи значительно обезпечены. Какъ все согласовать и объяснить? Секретъ въ томъ, что русскій солдатъ оказался безподобнымъ по своимъ качествамъ, и кромѣ того нашлись такіе разумные организаторы военнаго дѣла, какъ Румянцевъ, Суворовъ и Потемкинъ, которые многое исправили и многое уравнили своимъ вліяніемъ. Они—названныя лица своимъ гениемъ, а нижніе чины своими рѣдкими боевыми качествами—спасли положеніе дѣла; ими жило государство въ своей боевой дѣятельности.

Въ нашей характеристикѣ русскихъ войскъ царствованія Екатерины мы воспользовались преимущественно записками Тучкова, Ланжерона, Ржевскаго, гр. Воронцова, князя Андрея Ивановича Вяземскаго и князя Де-Линя и нѣкоторыхъ иностранцевъ. Изъ нихъ генераль-лейтенантъ Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ участвовалъ въ рядѣ войнъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ и обладалъ

хорошей подготовкой. Его записки, изданныя въ 1907 г., дышатъ правдивостью. Графъ Ланжеронъ также участвовалъ въ разныхъ походахъ и занималъ выдающіяся должности. Этотъ знаменитый эмигрантъ несомнѣнно обладалъ и талантомъ, и наблюдательностью. Онъ утверждаетъ, что его изображеніе русской арміи, написанное сурово, но впоследствии проверенное, «составляетъ сущую правду». (См. Рус. Старина 1895 г., мартъ, апрѣль и май). Тѣмъ не менѣе приходится сказать, что графъ Ланжеронъ иногда излишне подчеркиваетъ факты, любя сильныя выраженія и рѣзкіе образы. Ланжеронъ былъ сподвижникомъ принца Пассау-Зигена въ 1790 г. и описанію похода въ Финляндію имъ посвященъ обширный трудъ. О русской арміи второй половины Екатерининскаго царствованія имѣются еще небольшія записки генераль-поручика Степана Матвѣевича Ржевскаго (1732—1782) (Рус. Арх. 1879 г., I, 357—362) и кн. А. П. Вяземскаго, командовавшаго Вологодскимъ полкомъ (Архивъ кн. А. И. Вяземскаго, Спб. 1881 г.). Графъ С. Р. Воронцовъ былъ нашимъ посломъ въ Лондонъ, но первоначально состоялъ въ военной службѣ. Въ 1802 году онъ составилъ для Императора Александра I записку на французскомъ языкѣ (Арх. кн. Воронцова, т. X), въ которой дѣлаетъ обзоръ всѣхъ сторонъ военной службы времени Екатерины II. Наконецъ, кн. де-Линь, мѣстами, хотя и говорить въ своихъ запискахъ, что «былъ путешествующій совѣтникъ при русскихъ арміяхъ и русскихъ миссіяхъ и дипломатической жюкей въ Россіи», но на дѣлѣ являлся для своего времени военнымъ общепризнаннымъ во всей Европѣ авторитетомъ. И не удивительно: онъ «сдѣлалъ 12 кампаний, участвовалъ въ 27 битвахъ, а счетъ мелкихъ стычекъ и схватокъ онъ самъ потерялъ». «Умѣющие писать рѣдко замѣчаютъ въ казармы; посѣщающіе казармы рѣдко умѣютъ писать», — такою мнѣніе князя де-Линь было имъ же самимъ опровергнуто, читаемъ въ монографіи профессора В. А. Бильбасова; мѣняя шпагу на перо, де-Линь оставилъ 32 тома своихъ сочиненій, и военная наука дастъ честь его перу не менѣе, чѣмъ военное искусство его шпагѣ. Вся исторія семилѣтней войны писана имъ «больше на сѣдлѣ, чѣмъ иначе». Во время этой войны онъ впервые увидалъ русскія войска; но только пять лѣтъ спустя, находясь при Потемкинѣ на югѣ, въ періодъ Турецкой кампаніи, де-Линь ближе познакомился съ нашей арміей и оцѣнилъ русскаго солдата. Правдивость была отличительною чертою князя де-Линь. «Единственный грѣхъ, отъ котораго душа моя вполне чиста, есть ложь». «Говоря всегда правду, онъ никогда не рѣзокъ, тѣмъ менѣе

грубъ, и если истина была подъ часъ довольно горькою, онъ старался умалить эту горечь, облекая ее въ возможно пріятную форму. Онъ носилъ шпагу, отточенную, но въ шелковыхъ ножнахъ; онъ владелъ сильнымъ словомъ, но всегда мягкимъ» (Бильбасовъ).

«Императрица Екатерина, какъ жепщина, — пишетъ Тучковъ, не могла заниматься устройствомъ войска», но въ то же время она крайне ревниво относилась къ военной славѣ и не выносила дурныхъ отзывовъ о дѣйствующей арміи, хотя хорошо знала, что не все идетъ въ ней гладко. Назначеніемъ Алексѣя Орлова адмираломъ флота, а Потемкина главнокомандующимъ, трудно было поддержать на должной высотѣ воинскій духъ и дисциплину — главный жизненный нервъ арміи. Президентами военной коллегіи въ годы ея царствованія состояли князь Н. Юр. Трубецкой (1760—1763); Зах. Гр. Чернышевъ (1763 — 1774) и свѣтлѣйшій князь Гр. Ал. Потемкинъ-Тавричскій (1774—1791). Они должны поэтому считаться дѣйствительными руководителями военного дѣла времени ея царствованія.

«Всѣ военные люди, видѣвшіе тогда русскую армію, согласятся, пишетъ С. А. Тучковъ, что пѣхота была въ лучшемъ видѣ, нежели конница. Она одѣта была по французски, а обучалась на образецъ прусскій съ нѣкоторыми перемѣнами въ тактикѣ, достигнутыми путемъ опыта въ войскахъ противъ разныхъ народовъ. Но излишнее щегольство, выправка и стягиваніе солдатъ доведены были до крайности. Сумы, перевязи и португеи были подъ лакомъ, безрукавные плащи скатывались весьма фигурно въ тонкія трубки и носились на шинѣ сверхъ сумы. Весь мѣдный приборъ былъ какъ можно яснѣе вычищенъ, а гербы на шапкахъ вызолочены. Я засталъ еще, что голова солдата причесана была въ нѣсколько буколей. Красивая гренадерская шапка и мушкетерская шляпа были только для виду, а не для пользы. Онѣ были высоки, но такъ узки, что едва держались на головѣ, и потому ихъ прикалывали проводочной шпилькой къ волосамъ, завитымъ въ косу. Ружья, для того чтобы они прямо стояли, когда солдаты держатъ ихъ на плечѣ, имѣли ложа, что было совсѣмъ несудбно для стрѣльбы. Приклады были выдолблены и положено было въ оныя нѣсколько стеколъ и звучащихъ черепковъ; а сіе для того, что при исполненіи разныхъ ружейныхъ пріемовъ, чѣмъ больше всего тогда занимались, каждый ударъ производилъ звукъ».

«Люди отменно хороши, — пишетъ генераль-поручикъ Ржевскій, — но солдаты слабы; чисто и прекрасно одѣты, но вездѣ стя-

нуты и заглавлены, такъ что естественныхъ нуждъ отправлять солдатъ не можетъ: ни стоять, ни ходить, ни сидѣть покойно ему нельзя. Тесакъ, какъ огонь горитъ; но полоса заржавѣла, вмѣстѣ съ ножами. Ружье, какъ зеркало, чисто, но не можетъ цѣлко выстрѣлить отъ уродливой ложи». Сердце содрагается у этого генерала отъ возможныхъ послѣдствій. (Рус. Арх. 1879, I, 359—360).

Въ запискѣ кн. А. И. Вяземскаго, относящейся къ 1774 г., также изложена жалоба на мундиры. По его мнѣнію, солдатъ весь почти открытъ, стѣсненъ и холоденъ, волосы завиты, коса на проволоку; на ногахъ четыре повязки, мѣшающія кровообращенію; шляпа головы не грѣетъ и пр.

Но, видимо, по нѣкоторымъ вопросамъ надо отдѣлять періодъ до 1774 г. отъ послѣдующаго времени, когда во главѣ военной коллегіи поставленъ былъ Потемкинъ.

Мнѣніе Ржевскаго (1784 г.) объ одеждѣ не раздѣляется графомъ Воронцовымъ, который одобряетъ нововведенія Потемкина въ одеждѣ и находитъ ее наиболѣе приспособленной къ климату, опрятной и удобной, особенно для здоровья солдата — предметъ неопытенный, о которомъ надо болѣе всего заботиться.

По просьбѣ Потемкина ему была передана особая записка княземъ де-Линь. «Русскій народъ наиболѣе воинственный изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, достоинъ только удивленія. Очень немного подлежитъ измѣненію въ побѣдоносной арміи, съ самаго начала столѣтія, благодаря урокамъ Карла XII, ставшей непобѣдимой. Но другъ проситъ моего мнѣнія, главнокомандующій требуетъ совѣта — я повинуюсь». Умный иностранецъ сейчасъ же отмѣтилъ: ваши ружья могли бы быть менѣе длинны, болѣе легки и стрѣлять также далеко. По моему, слѣдуетъ короче стричь волосы вашихъ солдатъ — они очень длинны, а длинные волосы требуютъ излишняго ухода».

«Одежда русскаго солдата превосходна: удобна, здорова, красива. Мнѣ казалось бы необходимымъ измѣнить только головной уборъ, чтобъ удобнѣе было спать, и чтобъ можно было закрывать уши. Петръ Великій далъ вамъ много европейскаго, особенно же въ одеждѣ».

Пѣхота раздѣлена была на гренадерскіе, мушкетерскіе полки и на баталіонъ егерей. Они различались между собою только мундирами.

«Ваши гренадерскіе полки — писалъ де-Линь — превосходны. Люди подобраны крѣпкіе, здоровые, но большей части старослуживые, но иногда слишкомъ ужъ рослые. По формѣ трудно узнать, что они гренадеры».

Графъ С. Р. Воронцовъ сожалѣетъ, что въ лучшую въ мірѣ пѣхоту великороссіянъ допущено много инородцевъ: онъ предлагаетъ брать ихъ «въ дешишки и фурлейтеры, въ матросы».

Регулярная кавалерія состояла изъ кирасиръ, карабинеръ, драгунъ, гусаръ, и пикенеровъ. Сверхъ того Россія имѣла тогда нерегулярную постоянную конницу, состоявшую изъ довскихъ, уральскихъ, гребенскихъ, запорожскихъ и малороссійскихъ казаковъ, калмыкъ и башкиръ.

«Я хотѣлъ бы, — читаемъ у кн. де-Линь, — чтобъ всѣ ваши кавалерійскіе полки маневрировали также, какъ вашъ полкъ и полкъ великаго князя — съ пѣмецкою точностью и русскою живостью».

Благодаря трудамъ фельдцейхмейстера времени Императрицы Елизаветы Петровны графа Шувалова, артилерія, по словамъ Тучкова, была поставлена довольно удовлетворительно. Гр. Шуваловъ въ свое время изобрѣлъ гаубицу, хорошо дѣйствовавшую картечью. По мнѣнію графа Ланжерона, Россія имѣла много орудій, но не имѣла артилеріи, если сравнить ее съ французской и австрійской.

Инженерный корпусъ былъ не великъ, но по отзыву иностранца (von Snell), хорошо поставленъ. Де-Линь рекомендовалъ, однако, его улучшеніе даже, если бы для этого въ началѣ потребовалась помощь иностранцевъ. Но полного плагиата въ администраціи, какъ и въ литературѣ, де-Линь не допускалъ. Кромѣ того, онъ же находилъ полезнымъ объединеніе его съ артилеріей, чтобы уничтожить вѣчный раздоръ между этими корпусами.

Графъ С. Р. Воронцовъ надлежащей подготовки въ средѣ артиллеристовъ не усматривалъ, почему предлагалъ пригласить сардинцевъ для обученія артиллеристовъ и инженеровъ.

Дольше другихъ во главѣ военнаго вѣдомства въ царствованіе Екатерины простоялъ Потемкинъ. При немъ военная коллегія, по утвержденію де-Линь и графа Ланжерона, пришла въ ужасное хаотическое состояніе, «напоминавшее по тюбамъ переписки вавилонское столпотвореніе». — Въ 1774 г. Императрица жаловалась, что Потемкинъ мало докладываетъ ей подробностей о военной администраціи, ставя ее въ неловкое положеніе. Самодурство сатрапа проявлялось во всемъ; онъ мѣсяцами валялся на диванѣ; за время второй турецкой войны онъ только три раза сѣлся на коня. Де-Линь, много лѣтъ знавшій князя Потемкина и сдѣлавшійся даже его другомъ, не признаетъ его «способнымъ командовать баталіономъ, не только арміею». Это «властный и своенравный ребе-

новъ»... «Это самый необыкновенный человекъ... Съ виду дѣланный, онъ неутомимо трудится, не имѣя другого стола, кромѣ колына, чешется пятернею, не спитъ ни днемъ, ни ночью—его вѣчно тревожить желаніе угодить Императрицѣ, которую онъ обожаетъ. Онъ очень храбръ, подъ выстрѣлами спокойно отдаетъ приказанія. Онъ несчастливъ отъ слишкомъ большого счастья. Онъ во всемъ разочарованъ; все ему надоѣло. Страшно богатъ и постоянно безъ гроша. Съ генералами онъ говоритъ о богословіи, съ архіереями— о войнѣ. Онъ никогда ничего не читалъ. То онъ гордъ, то нѣженъ сердцемъ. Вѣчно грызетъ ногти, яблоки или рѣпу. То онъ появлялся въ рубашкѣ, то въ солдатскомъ мундирѣ изъ грубаго сукна, то въ расшитомъ золотомъ кафтанѣ».

Но этотъ оригинальный человекъ обладалъ обширнымъ умомъ. Необходимость реформъ въ арміи онъ мотивировалъ такъ: «въ Россіи же, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные, съ педантствомъ того времени, а наши, не зная прямой цѣли вещей военного снаряда, почли все смирненнымъ и какъ будто гавиственнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, штыкахъ, клапанахъ, обшлагахъ, ружейныхъ приемахъ и прочемъ. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего времени не знаютъ еще самыхъ важныхъ вещей... словомъ одежда войскъ нашихъ и амуниція таковы, что придумать почти нельзя лучше къ успѣху солдата; тѣмъ паче, что онъ взявъ будучи изъ крестьянъ узнаеть уже узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей вѣкъ соврушающихъ. Красота одежды военныхъ состоитъ въ равенствѣ и въ соответствіи вещей съ ихъ употребленіемъ. Платье—чтобы солдату было одеждою, а не въ тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно плодъ роскоши, требуетъ много времени, издженія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ». Потемкину русская армія обязана реорганизаціей конницы, упорядоченіемъ внутренняго устройства войскъ, улучшеніемъ матеріальной обстановки нижнихъ чиновъ. Онъ просто и красиво одѣлъ нашего солдата, отмѣнивъ пудреніе головы, неудобную косу и все прусское обмундированіе (Рус. Арх. 1867 г. — А также «Столѣтіе военного министерства». Историч. оч. 1, 40—41).

Потемкинъ развивалъ мысли о большей свободѣ, о сбереженіи силъ и времени, о гуманномъ обращеніи съ солдатами; онъ ратовалъ противъ «вреднаго щегольства, удручающаго тѣло». «Завивать, пудриться, плести косы—солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ... Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе го-

лову мыть и чесать, нежели отягощать мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ, что всталъ и готовъ»... Да, несомнѣнно, что Потемкинъ здраво рассуждалъ, много измѣнилъ, но многое изъ намѣченнаго не привелось.

Современники—Самойловъ, гр. С. Р. Воронцовъ и др.—особенно хвалить въ реформахъ Потемкина искорененіе жестокихъ наказаній и установленіе хорошаго обмундированія. Но въ то же время они отмѣчаютъ и его увлеченія конницею (кн. Кочубей), его «воинскій хаосъ» и небрежность (гр. Безбородко и дипломатъ иностранный Сакенъ). Отзывы о разныхъ сторонахъ военнаго дѣла разнорѣчивы. Мнѣнія о Потемкинѣ также далеко не одинаковы. Этому разногласію удивляться не приходится. Крупные дѣятели неизбѣжно вызываютъ разную оцѣнку, имѣютъ хулителей и хвалителей. Кромѣ того, всюду надо отличать намѣренія и проекты отъ практическаго ихъ осуществленія. У Потемкина, какъ и другихъ, слова нерѣдко оказывались лучше дѣла.

Когда современники намъ говорятъ, что у Потемкина въ Военной Коллегіи наблюдался безпорядокъ, то этому позволено вѣришь, такъ какъ подобное положеніе вполне гармонируетъ съ его характеромъ, съ его крайностями.—Княгиня Дашкова довела черезъ своего сына до свѣдѣнія Императрицы о разныхъ неустройствахъ въ войскахъ. Послѣ смерти свѣтлѣйшаго князя современникъ его О. Н. Голицынъ въ своихъ запискахъ отмѣтилъ: «загребя многія важныя должности Потемкинъ... худо оныя исполнялъ. Военный департаментъ, ему ввѣренный, не въ самомъ лучшемъ былъ порядкѣ». Сатрапское самоволіе Потемкина также имѣло значеніе. Изъ собственнаго признанія Потемкина, записаннаго Энгельгардомъ, онъ «изъ милости далъ» георгія князю В. В. Долгорукову. Въ другой разъ, только въ силу своей прихоти, онъ хотѣлъ назначить инспекторомъ въ арміи какого то глупца... (Рус. Арх. 1875, X, 253—254).

Графъ С. Р. Воронцовъ опасался,—и вѣроятно не безъ основанія,—что генеральный штабъ существовалъ только по имени. «Армія, не имѣющая отличнаго генеральнаго штаба, похожа на тѣло безъ души». Во всякомъ случаѣ извѣстно, что генераль-квартирмейстеръ Вауръ наполнилъ этотъ штабъ иностранцами.

Управленіе госпиталей и лазаретовъ гр. С. Р. Воронцовъ находилъ возмутительнымъ. Отсюда ужасающая смертность. Подобныхъ указаній не мало, и съ ними приходится считаться.

Каковы были военныя верхи? Мы здѣсь имѣемъ въ виду преимущественно армію, выставленную на Финляндскій театръ войны.

Гдѣ же пѣть особыхъ о ней указаній, мы пользовались данными, относящимися до другихъ армій, на томъ основаніи, что общій духъ и порядки вездѣ были, примѣрно, одинаковы.

Слава Суворова и Румянцева затмила имена другихъ генераловъ времени Екатерины II.—Въ то же время, когда началась шведская война, всѣ выдающіеся военные люди находились на югѣ, въ арміи Потемкина. Изъ остальныхъ было трудно выбрать главнокомандующаго. Императрица писала, что графъ Я. А. Брюсъ — «не имѣть головы» и «какъ дураку, который неудачу имѣлъ, гдѣ былъ, ввѣрить такую важную часть»; графъ О. К. Ангальтъ — «вадумалъ дурачиться» и «мы почти въ сорѣ»; гр. И. П. Салтыковъ — «глупъ и упрямъ». Н. И. Салтыковъ — нужешъ «сидѣть въ военной коллегіи до возвращенія президента». Выборъ остановился на графѣ В. П. Мусинь-Пушкинѣ, хотя о немъ сама же Екатерина писала князю Потемкину, что сидѣлъ въ военной коллегіи «какъ сущій болванъ», не «растворяя» устъ «ниже муха съ носу не стонить». («Рус. Старина» 1887, мартъ, 556).—Ланжеронъ съ своей стороны находилъ, что графы Иванъ и Николай Салтыковы, гр. Брюсъ, гр. Валентинъ Мусинь-Пушкинъ и др. не заслуживали чести быть упомянутыми въ его запискахъ: «Между этими господами могутъ найдтись весьма честные люди, но навѣрное ни одного генерала». (Рус. Старина» 1895, мартъ, 165). Лица, окружавшія неспособнаго военачальника, также не могли считаться особенно хорошими военными. Иванъ Михельсонъ признавался наиболѣе пригоднымъ для командованія кавалеріею; однако онъ старательно велъ свое дѣло и довольно счастливо пользовался обстоятельствами. Датчанинъ Нумсенъ оказался человекомъ плутоватымъ и талантливымъ, но онъ не зналъ ни одного русскаго слова, а чрезмѣрная тучность мѣшала его дѣятельности...—«Изъ генераловъ сухопутныхъ здѣсь очень мало путныхъ, — читаемъ въ письмѣ графа Безбородко. Всѣхъ лучше Нумсенъ изъ Датской службы, исключая только, что, терпясь около Бернсдорфа, слишкомъ набрался плутовства и интригъ. Фонъ-Сухтеленъ — голландецъ, въ инженерной наукѣ человекъ искусный, да Реккъ... Прочіе всѣ, начиная съ бывшего Бахуса-Волкова, вамъ знакомы. Съ подобными не далеко зайдешь». (Н. Григоровичъ, гр. А. А. Безбородко, II, стр. 69).

Такова общая характеристика высшаго команднаго состава нашей арміи, отправленной въ Финляндію.

Полковые командиры, стараясь подражать Потемкину, — по словамъ графа Ланжерона, являлись «величайшими вельможами

въ Европѣ» и сибаритами. Послѣ главнокомандующаго, ихъ положеніе представлялось наилучшимъ, въ виду того, что они пользовались неограниченной деспотической властью и матеріальной обеспеченностью. Они имѣли къ своимъ услугамъ нѣсколько сотъ лошадей и огромные (въ 200 чел.) оркестры; по своему вкусу они экипировывали ввѣренные имъ полки. Утопая въ роскоши, они проводили время среди метресъ, въ попойкахъ, за картами и не знали иного труда, кромѣ труда отдачи приказаній. Сегюръ говоритъ: «нѣсколько полковниковъ призвались мнѣ, что они каждый годъ получаютъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ рублей доходу со своихъ пѣхотныхъ полковъ, а кавалерійскіе полки даютъ командирамъ до 18,000». («Романъ Императрицы». Валишевскій, стр. 358). Гренадерскій полкъ давалъ въ годъ до 15 тыс.

Конечно, эти доходы являлись способами разоренія собственной родины и результатомъ казнокрадства и неправильнаго хозяйничанья по содержанію людей и лошадей. Командиры не доносили своевременно о числѣ умершихъ и бѣжавшихъ, они обмѣривали на сумнѣ и прибѣгали къ разнымъ уловкамъ. Злоупотребляли увеличеніемъ постныхъ дней. Брали пасильственно у крестьянъ то, что надлежало покупать. Держали поля съ мая по сентябрь въ лагерѣ, а потомъ располагали по деревнямъ (Тучковъ). «Бѣдные обыватели, — замѣчаетъ генералъ-поручикъ Ржевскій, всѣхъ вѣрнѣе могутъ сказать, что имъ стоитъ посѣщеніе такого полка». (Рус. Арх. 1879, I, стр. 360).

Всѣ приведенныя дурныя и вредныя стороны, отмѣченныя преимущественно гр. Ланжерономъ, подтверждаются запиской генералъ-поручика Ст. Матв. Ржевскаго, относящейся къ 1782 г. Онъ негодуетъ на неограниченность власти полковниковъ, которые влѣдствіе этого записываютъ къ себѣ въ полкъ лицъ всякаго званія, рода и націи, берутъ въ лакеи, камердинеры и дворцовіе полковыхъ людей, нагло расхищаютъ казенныя деньги, поддѣлывая расходныя статьи, переманиваютъ людей изъ другихъ полковъ, разрушаютъ чиновочитаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ былъ существовать офицерскій контроль, но онъ превращался въ «формалитетъ». Собираются офицеры всякую треть къ адъютантамъ и подписываютъ слѣпо, что господинъ полковникъ приказалъ» (Рус. Арх. 1879, I, стр. 361). Генералы не смѣли отдавать своихъ приказаній и «отмѣнить то, что противно штатамъ и противно службѣ»; они пріѣзжали «смотреть, но не свидѣтельствовать». (Рус. Арх. 1879, I, 357—359).

Графъ С. Р. Воронцовъ не переставалъ изъ Лондона, гдѣ онъ являлся достойнымъ представителемъ Россіи, слѣдить за военною службой. Въ письмахъ къ графу Безбородко онъ сильно негодуетъ на то, что нашу армію наполнили недостойными генералами и офицерами, что полки не для службы созданы, а для наживы и «какъ арсенды любимцамъ всемогущаго (временщика) отдаются» (Рус. Арх. 1879, I, 497).

Очевидно, что, зная все это, де-Линь, въ запискѣ, поданной Потемкину, писалъ: «Необходимо увеличить денежную дачу солдатамъ и уменьшить доходы полковниковъ. Всѣ поставки снарядовъ, провіанта, фуража и аммуниціи должны производиться правительствомъ, во избѣжаніе воровства. Я уважаю религію, но мнѣ казалось бы возможнымъ уменьшить посты во время походовъ и совершенно уничтожить ихъ въ госпиталяхъ. Я люблю музыку, но у васъ слишкомъ ужь много солдатъ берется въ музыканты. Изъ нихъ у васъ составитя маленькая армія. Слѣдовало бы ограничить: 12 музыкантовъ на полкъ. Я всегда за женщины, но 12 на баталіонъ, 3 на эскадронъ совершенно достаточно въ военное время; во время мира—сколько угодно».

Послѣ того, что было сказано о власти командира полка, приходится вѣрить заявленію князя де-Линь, когда онъ пишетъ: «Русская военная служба отличается низостью младшихъ и наглостью старшихъ. Когда князь Потемкинъ уронить что нибудь, двадцать генераловъ бросаются поднимать».

Графъ Ланжеронъ строго осудилъ офицеровъ за ихъ малое развитіе и малыя военныя познанія. Особенно рѣзко онъ отозвался объ офицерахъ гвардіи. Онъ пишетъ даже, что «гвардія составляетъ позоръ и бичъ русской арміи». «Но,—прибавляетъ онъ,—я также встрѣчалъ между офицерами людей честныхъ и хорошо воспитанныхъ». «Офицеры состоятъ изъ всего, что есть наивнѣйшаго и богатѣйшаго въ Россіи».—Храбрость русскихъ офицеровъ графъ Ланжеронъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія; онъ видѣлъ ихъ подающими примѣръ своимъ подчиненнымъ («Рус. Старина» 1895, апрѣль, стр. 169—172). Неуслаженность русскихъ офицеровъ отмѣчена также италянцемъ Майна, удивлявшимся робости тѣхъ же храбрецовъ передъ своими генералами.

Сыновья знатныхъ родовъ и лицъ, имѣвшихъ протекцію, записывались въ гвардейскіе полки иногда со дня рожденія, и, сидя дома, они становились офицерами. Затѣмъ, едва занимаясь службою, достигали чина капитана и съ повышеніемъ въ рангъ перехо-

дили въ армію, гдѣ получали полки и начинали ушачивать петербургскіе долги. Службы они, конечно, не знали, хотя перебѣгали дорогу армейскимъ труженикамъ. Въ каждомъ гвардейскому полку тысячами приписаны были сержанты—сыновья второстепеннаго дворянства. Въ 1792 г. въ Преображенскомъ полку числилось 6 тыс. унтеръ-офицеровъ и 3½ тыс. рядовыхъ. Въ 1795 г. въ Измайловскомъ полку находилось 2 тыс. унтеръ-офицеровъ и 2 тыс. рядовыхъ. (Проф. Д. Ф. Масловскій, примѣч. къ II вып. записокъ, 7 стр.). Они также, живя дома, получали роты, никогда не вида солдата («Рус. Стар.» 1895 г., апр.). Это одна сторона гвардейской службы. Но была и другая. По мнѣнію Болотова, гвардейская служба была для дворянъ «сушимъ ядомъ и отравой», развивая среди нихъ роскошь и развратъ.

Бичемъ для арміи въ нѣкоторыхъ случаяхъ были также волонтеры изъ знатныхъ семействъ. Эти щеголи-аристократы (*petits-maitres*), являвшіеся въ армію «на ловлю счастья и чиновъ», болѣе занимались своимъ туалетомъ, чѣмъ военнымъ дѣломъ. Около одного графа Салтыкова, во время шведской войны 1790 г., оказалось ихъ до 80-ти. Они обременяли армію своими экипажами, разстраивали ее своими оргіями и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ начальству.

Особенно счастливы были тѣ, которые попадали ординардами къ фавориту: надъ ними отверзался рогъ изобилія всякихъ отличій и наградъ. Въ то время не обходилось дѣло, кажется, и безъ продажи чиновъ лицами, состоявшими при вице-президентѣ военнои коллегіи (Рус. Арх. 1895, апр.).

Генераль-поручикъ Ржевскій указываетъ еще на одинъ обходный путь для незаслуженно скорого полученія чиновъ. Молодой лѣнивый офицеръ уходилъ въ отставку, а по прошествіи нѣкотораго времени, благодаря пронырству, къ досадѣ другихъ, возвращался въ полкъ съ чиномъ, даннымъ ему при отставкѣ (Рус. Арх. 1879, I, 358).

Въ офицерской средѣ немало паходилось иностранцевъ. Россійскими штабъ-офицерами,—какъ утверждаетъ генераль Ржевскій,—переедѣты были иностранные камердинеры, купцы и учителя (Рус. Арх. 1879, I, 362).

Наличность всѣхъ этихъ недостатковъ подтверждается военными совѣтами, которые де-Линь давалъ въ своей запискѣ Потемкину: «пусть князья и всякіе родовитые люди служатъ въ гвардіи, если это имъ нравится; но во главѣ дивизій, бригадъ и полковъ

должны находиться люди недостаточные, пуждающіеся въ службѣ. Тогда не будетъ этихъ обременительныхъ обозовъ, стѣсняющихъ движеніе части и увеличивающихъ расходъ по фуражу и продовольствію. Необходимо освободить полки отъ малолѣтнихъ, причисленныхъ и сверхштатныхъ офицеровъ, отъ множества адъютантовъ, отъ всякихъ волонтеровъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ, отъ всѣхъ иностранцевъ, французскихъ и италіанскихъ авантюристовъ, нерѣдко негодяевъ, высланныхъ съ родины, отъ гувернеровъ разныхъ барчуковъ, отъ ихъ секретарей и т. п.»

При Екатеринѣ II существовало четыре палатскихъ корпусовъ, изъ которыхъ одинъ готовилъ инженеровъ и артиллеристовъ, одинъ—моряковъ, а остальные—армейскихъ офицеровъ. Корпусамъ надлежало быть надлежателями разсадниками офицеровъ, но въ нихъ, по словамъ Ланжерона, обращалось исключительное вниманіе на «*inutile maniment des armes et les plus inutiles pironettes d'ésplanade*».

По уставу, составленному подъ вліяніемъ западныхъ философовъ и педагоговъ, Императрица желала и здѣсь воспитать «новую породу отцовъ и матерей». Сенатскимъ указомъ 1763 г. было установлено, что корпусъ заключаетъ въ себѣ не одно военное, но и политическое и гражданское училище. При Минихѣ и князѣ Ренинцѣ въ корпусѣ преобладалъ военный духъ, но съ появленіемъ и здѣсь Веццаго, военно-учебное заведеніе стало болѣе энциклопедическимъ. Корпусъ, какъ училище «знатныхъ гражданъ», рядомъ съ военнымъ искусствомъ насаждалъ и «прочія знанія» (Столѣтіе воен. министерства. Гл. управл. воен. учебн. зав., П. В. Пстрова. стр. 32 и слѣд. А также статья П. Глѣбова въ журналѣ для воспит. воен. учеб. зав. № 234).

Имѣется основаніе полагать, что въ первую половину царствованія Екатерины дисциплина въ русскихъ войскахъ поставлена была надлежащимъ образомъ. «Русскіе соблюдаютъ строгую дисциплину; даже казаки платили за все чистыми деньгами», отмѣтилъ иностранецъ въ своихъ запискахъ, относящихся къ 1763—1766 гг.: (*Congrespondance sur les affaires politiques du royaume de Pologne de l'année 1763 jusqu'à 1766. Halle 1778. См. у проф. В. А. Бильбаова, XII, 1 ч., стр. 241*). Но, видимо, нахожденіе Потемкина во главѣ военной коллегіи деморализующимъ образомъ повліяло на армию, такъ какъ де-Линь вынужденъ просить его: «возвратите, князь, вашей прекрасной арміи ея прежнюю дисциплину, которую, какъ я вижу теперь, ослабила ваша доброта. Привычка къ почита-

нію и послушанію такъ вкоренена въ русскихъ, что ваши генералы, офицеры и солдаты не тяготеютъ дисциплиною. Вы не любите, чтобы были люди. Наши палочные удары гораздо страшнѣе нашихъ батоговъ. Оставьте батожье противъ вольподумцевъ, если таковыя встрѣтятся, противъ пьяницъ и вообще противъ несправимыхъ, и не кляните прибѣгающихъ по нуждѣ къ батогу».

Военное дѣло страдало отъ безпріятственныхъ переходовъ офицеровъ изъ одного полка въ другой и отъ свободныхъ отпусковъ, даваемыхъ подъ разными предлогами самовластными командирами полковъ. «Подъ тиранскимъ полковническимъ правленіемъ офицеры находятся въ рабствѣ,—читаемъ въ замѣткѣ генераль-поручика Ржевскаго... Можно ли ожидать храбрости въ такомъ развратномъ войскѣ, гдѣ первѣйшею поставлено должностію отдѣлаться отъ должности, гдѣ офицеръ доведенъ до унынія, гдѣ онъ, отъ безмѣрнаго и принужденнаго щегольства, разоряется; гдѣ солдатъ къ слезамъ горькихъ съѣдаетъ сухарь свой, проклиная службу и командировъ, озираясь только во всѣ стороны, гдѣ бы скорѣе къ побѣгу найти дорогу и случай? Капральствами бѣгивали, да кто же? Русскіе солдаты. А къ кому?—Къ туркамъ» (Рус. Арх. 1879, I, 360).

Графъ С. Р. Воронцовъ въ запискѣ (1802) подтверждаетъ, что въ 1762 г. полковники получали неограниченную власть въ полковомъ хозяйствѣ, и это повело къ позорнымъ злоупотребленіямъ. Казна обкрадывалась съ невообразимымъ безстыдствомъ, и бѣдные солдаты безчеловѣчно лишались были тѣхъ ничтожныхъ денегъ, на которыя они имѣли право. Безчеловѣческое отношеніе къ солдатамъ припуждало ихъ къ побѣгамъ. «Я видѣлъ нашихъ храбрыхъ соотечественниковъ цѣлыми тысячами на службѣ у пруссаковъ и австрійцевъ; а лица, бывшія въ Швеции, увѣряли меня, что въ Стокгольмѣ и Готенбургѣ они видѣли слишкомъ двѣ тысячи русскихъ, служившихъ въ шведской арміи» (Арх. гр. С. Р. Воронцова, т. X, 472—473.—Рус. Арх. 1876, XI, 348).

И тѣмъ не менѣе намъ представляется, что бѣжалъ солдатъ отъ общихъ тяжелыхъ условий казарменной жизни, а не исключительно отъ побоевъ, которые значительно уже стали выводиться изъ военного обихода. Имѣются свидѣтельства современниковъ (напр. гр. А. А. Безбородко) о томъ, что «солдаты весьма хвалили» покойнаго князя Потемкина и о немъ сожалѣли главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что ихъ «за ученые не бьютъ» (Сборн. Руск. Истор. Общ. т. XXIX, стр. 157).

«Бѣгали большими партіями рекруты потому, что съ ними чинились великія неправды. Набирали ихъ часто въ возрастѣ 15 и 16 лѣтъ; при первоначальномъ обученіи подвергались нерѣдко тяжелымъ побоямъ; въ лазаретахъ за ними былъ плохой уходъ» (кн. А. И. Вяземскій).

Всѣ указанныя злоупотребленія не отвергають, однако, главнаго—стремленія къ улучшенію солдатскаго быта, къ упорядоченію его обмундированія, къ введенію болѣе гуманнхъ приѣмовъ обученія рекрутъ и т. п. Все это было намѣчено въ программѣ князя Потемкина, все это по мѣрѣ возможности водворилось въ войскахъ, подчиненныхъ Румянцеву и Суворову, но... здѣ же не бываетъ злоупотребленій. Въ періоды патриотическаго подъема общаго настроенія въ войскахъ «обращеніе полковниковъ съ офицерами, а офицеровъ съ рядовыми сдѣлало обоюдную связь любви и послушанія»... какъ утверждаетъ генераль Хрущовъ (см. примѣч. ко II вып., стр. 42 у проф. Д. Θ. Масловскаго). Передъ войною съ Оттоманскою Портою (1768) каждый офицеръ «некъ о своемъ званіи», нравственныя бесѣды съ подчиненными солдатами дѣлались чаще, командиры слѣдили за тѣмъ, чтобы дурные офицеры не навлекали упрека на полкъ (ибо «одинъ членъ составлялъ порокъ цѣлаго»).

Наличный составъ арміи не публиковался, и письменныя свѣдѣнія о ней, вслѣдствія безпорядковъ въ военной коллегіи, были сбивчивы и не точны. Данжеронъ полагаетъ, что въ концѣ царствованія Екатерины Россія имѣла приблизительно:

Пѣхоты	280,000 чел.
Кавалеріи	57,000 „
Артилеріи	10,000 „
Итого	347,000 чел.

Примѣрно такое же количество войскъ опредѣляетъ и иностранецъ, говоря, что было:

Пѣхоты	245,000 чел.
Кавалеріи	101,000 „
Артилеріи	24,000 „
Итого	370,000 чел.

(См. Бильбасовъ ч. I стр. 389).

Но эти цифры совпадаютъ лишь съ тѣмъ количествомъ войска, которое было выставлено Россіей въ семилѣтнюю войну, и второе она держала въ началѣ царствованія Екатерины II. Проф. Д. Θ. Масловскій по архивнымъ документамъ установилъ, что армія при

Екатерины возрасла на 170 тыс. и въ 1795 г. достигала солидной величины въ 502,229 человекъ (примѣчаніе къ II вып. записокъ по исторіи восп. искусства, стр. 101—102).

Такова была армія на бумагѣ. Въ дѣйствительности ея сила была значительно меньше. Разница между цифрами канцелярій и числами людей, фактически стоявшихъ подъ ружьемъ, наблюдалась во всѣхъ арміяхъ Европы. Въ 1788 г., по официальной статистикѣ, фельдмаршалу Румянцеву дано было 40 тыс. войска, фактически у него было не болѣе 24 тыс.

Наша армія расхищалась разными способами. Высшіе начальники и офицеры въ полкахъ брали къ себѣ въ услуженіе цѣлыя толпы людей и увозили ихъ или въ Петербургъ, или въ свои имѣнія. Много людей требовалось въ обмундировальныя и провіантскія комиссіи. Людей давали для охраны путешественниковъ. Рекрутъ крали или просто продавали по дорогѣ, послѣ ихъ призыва; получившіе и купившіе рекрута отправляли его въ имѣніе. Существуетъ указаніе, что при Потемкинѣ однажды рекрутскій наборъ произведенъ былъ съ женами, и эти женатыя рекруты, вмѣсто Крыма, отправлены были въ деревни князя и его любимцевъ. (В. Гольцевъ. Законодат. и нравы въ Россіи XVIII в. стр. 60; Рус. Арх. 1864, III, 313. См. еще Воспом. Дубяновскаго. Рус. Арх. 1872. 3—4).

Некомплекты въ арміи бывали весьма велики. Чернышевъ вынужденъ былъ доложить императрицѣ, что въ 1768 г. не доставитъ 10,000 чел. (проф. Д. Θ. Масловскій. Примѣчаніе къ исторіи военнаго искусства, вып. II. 1894 г., стр. 41).

Чтобы скрыть подобныя расхищенія людей, командиры частей пользовались реляціями первыхъ сраженій, показывая огромную убыль.

Армія пополнялась главнымъ образомъ рекрутскими наборами. При наличности крѣпостнаго права, отъ наборовъ страдали помѣщичьи, у которыхъ отнималась часть ихъ имущества и дохода, но страдала и Россія, страдала армія, понижая свои качества. «О рекрутскомъ наборѣ указъ данъ—писалъ гр. Безбородко князю Потемкину,—и ваша свѣтлость усмотрите, что ея императорское величество не сонзволмила на убавку мѣры, ибо, по ея мнѣнію, согласному съ нашимъ, и тѣмъ уже рослаго человека видѣть почти видѣть не можно; не меньше и то признано повѣстимымъ, чтобъ беззубые и тому подобныя принимаемы были». (Н. Григоровичъ, II, стр. 38). Князь А. И. Вяземскій удостовѣряетъ, что пріемщика-офицера «ос-

лѣпляли подарками», и онъ принималъ и слѣпыхъ, и глухихъ рекрутъ. Такъ какъ рекрута сдавали въ войска почти пожизненно, то естественной представляется его печаль. Система набора вела къ тому, что въ армію сбывали самый негодный элементъ изъ деревни: воровъ, всякихъ проходимцевъ, пропойцевъ и т. п.

II, не смотря на все это, русская армія, по признанію гр. Ланжерона, являлась одной изъ лучшихъ въ Европѣ. Таковой ее дѣлали главнымъ образомъ безцѣнные качества нашего солдата: его храбрость, хладнокровіе, выдержка, понятливость, ловкость, дисциплинированность... Офицеры—сибариты, солдаты—спартанцы. Солдаты не роптали. Царю и отечеству онъ былъ преданъ. Русскаго солдата,—по заявленію Фридриха II,—легче было убить, чѣмъ побѣдить.

Выправку солдатъ Тучковъ называетъ безчеловѣчною. «Вотъ тебѣ три мужика,—говорилъ полковой командиръ капитану,—сдѣлай мнѣ изъ нихъ одного солдата».

Князь де-Линь также восхищался русскимъ солдатомъ и уважалъ его. «Русскіе солдаты поютъ и пляшутъ въ трапезяхъ, гдѣ остаются безсмѣнно. Подъ градомъ пуль и ядеръ, въ снѣгу, въ грязи, они всегда ловки, внимательны, послушны. Они смотрятъ въ глаза своимъ офицерамъ, стараясь угадать и немедленно исполнить ихъ желаніе». Отъ такого опытнаго война, какъ князь де-Линь, не укрылось, конечно, что замѣчательныя и превосходныя качества русскаго солдата не столько созданы обученіемъ, исправкою, сколько дапы самою природою русскаго человѣка, русскаго мужика. «Это образецъ исполнительности, выносливости и послушанія. Я еще не встрѣтилъ ни одного пьянаго солдата, не видѣлъ ни одного вольнодумца, не слышалъ ни о ссорахъ между солдатами, ни о небреженіи ихъ къ службѣ. Къ сожалѣнію, никто съ солдатами не занимается, никто о нихъ не заботится». Въ своихъ сообщеніяхъ князь де-Линь ставитъ русскаго солдата чрезвычайно высоко, дивится его выпослывости, благоговѣетъ передъ его преданностью долгу. Князь де-Линь высказываетъ убѣжденіе, что съ русскимъ солдатомъ можно взять не только Очаковъ, но самый Царьградъ, что русское войско «только тогда не одерживаетъ побѣды, когда его не ведутъ въ бой».

Иностранные писатели-современники царствованія Екатерины—единогласно восхваляютъ русскаго солдата. «Во все времена указывали на французскаго солдата за пылкость его перваго удара; еще теперь ссылаются на испанскаго солдата за его трезвость, тер-

пѣнне; на нѣмецкаго за его субординацію, спокойствіе, флегматичность во время опасности;—въ русскомъ солдатѣ сосредоточены все эти качества, что дѣлаетъ его, безъ всякаго сравненія, лучшимъ въ Европѣ. «Проф. В. А. Бильбасовъ, XI, 1 ч. стр. 549—550. (Voyage de deux Français... par Fortia de Piles. Paris. 1796) «Русскіе солдаты не имѣютъ равныхъ себѣ,—читаемо у другого иностраннаго писателя,—они всегда въ хорошемъ расположеніи духа, они послушны, довольствуются малымъ; имѣть другихъ войскъ въ мѣрѣ, которыя столько бы любили драться штыкомъ—признакъ того, что они не единственно машипальны. (Remarques sur le militaire des Turcs et des Russes. Breslau 1771. Par M. de Warner-major-général). «По наружности русскій солдатъ—истинное изображеніе прочности»; «когда онъ хорошо веденъ, онъ способенъ сдѣлать все, и все предпринять». Русская пѣхота—это стѣна... Быть можетъ на землѣ нѣтъ націи болѣе способной къ войнѣ, чѣмъ русская.. Русскіе солдаты по темпераменту суровы, по предразсудку—храбры, по привычкѣ—послушны, а совокупность этихъ качествъ каждой личности составляютъ основаніе хорошаго войска». (I Chr. Schulz. Berlin. 1795. Considération sur la guerre présente entre les Russes et les Turcs, (par Silva). Turin 1773 стр. 85). Маркусъ Сильва—офицеръ сардинскаго генеральнаго штаба.

Essais de géographie, de politique et d'histoire sur les possessions de l'empereur des Turcs en Europe. Par. (Duvernois). Neuchâtel. 1774 г. (Von I. W. Bourcheid). (См. у проф. В. А. Бильбасова Исторія Екатерины II, т. XII, ч. I, стр. 170, 233, 313, 314, 389, 554).

Столь же сочувственно отзывались иностранцы о казакахъ. По словамъ де-Линь—они неоцѣнимы, когда, какъ осы, набрасываются на отдѣльныя части арміи, тревожатъ, беспокоятъ ее всю, не давая возможности вздохнуть; они обезсиливаютъ непріятельскую армію прежде, чѣмъ она вступитъ въ бой съ врагомъ. Они очень хороши и для рекогносцировокъ. Казаки, продолжаятъ онъ (о казакахъ семилѣтней войны), не скакали, а летѣли, сами не зная куда, озирались во все стороны и быстро развѣдали всю окружающую насъ мѣстность». Другой иностранецъ говорилъ: «Они (казаки) безподобны для рекогносцировки и дозора какойнибудь мѣстности, перешаряютъ каждый кусть и въ этомъ искусствѣ они навсегда останутся нашими учителями». (Проф. Бильбасовъ, XII, ч. I.) Reise durch Oberschlesien. Von C. F. Hamnard. Gotha 1787). «Вѣрно, то, писалъ третій иностранецъ, что нападеніе казаковъ, когда они надвигаются толпой, наводятъ ужасъ даже на лучшія регулярныя

войска, и по большей части приводятъ ихъ въ безпорядокъ». (Проф. Вильбасовъ, XII, I ч., стр. 415. Briefe über das russische Kriegswesen — von Snell, Leipzig, 1790). Казаки въ представленіи иныхъ являлись чѣмъ то въ родѣ минотавра, ибо имъ казалось, что человекъ тутъ сросся съ лошадыю. Казаки привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе и сдѣлались «иритчей во языцѣхъ». О нихъ много писали, при чемъ наговорили, какъ водится, не мало несообразностей. Одинъ неизвѣстный авторъ-иностранецъ сообщаетъ: «Эта часть русской паціи (казаки) имѣтъ настоящее попятіе о свободѣ и большее просвѣщеніе, чѣмъ осталая часть ея; кто желаетъ нанести Россіи смертельный ударъ, долженъ возмутить казакоеъ противъ нел и это легче всего можетъ сдѣлать Франція. Франція должна рѣшиться на это, гарантировать независимость казакамъ, и даже ввести это въ трактаты». (Проф. В. А. Вильбасовъ, XII, ч. I, стр. 554).

Осталая наша конница плохо ѣздила верхомъ вслѣдствіе того, что въ мирное время она упражнялась не иначе, какъ пѣшкомъ; лошади были плохи, ибо командиры полковъ не проявляли охоты кормить ихъ, манежей вовсе не существовало. Среди же начальства верховая ѣзда совершенно не въ авантажѣ обрѣталась. Таковы выводы гр. Ланжерона. Князь де-Линь, напротивъ, писалъ Потемкину: «ваша конница неподобна». — Полагаемъ однако, что первый стоялъ ближе къ дѣлу и лучше зналъ условія обученія кавалеріи...

Война 1788—1790 гг. со Швеціей прошла безцвѣтно, серьезныхъ столкновеній съ непріателемъ не было. Наши полководцы Мусинъ-Пушкинъ и Салтыковъ воодушевить своей арміи не въ состояніи были и не сумѣли составить смѣлаго и умнаго плана кампаніи. Краса арміи была въ солдатѣ; но такъ какъ въ огонь его ввели— походъ вышелъ тусклымъ. Салтыковъ, — по опредѣленію императрицы, — былъ «глухъ и упрямъ». Мусинъ-Пушкинъ «обказалъ свое несмысліе». «Кого мнѣ употребить въ сей странѣ?—спрашивала она кн. Потемкина. Отъ Пушкина ничего добиться невозможно и уже способа не осталось, ибо моихъ ордеровъ не слушается»... «Что въ Финляндіи много войскъ, — отвѣчала императрица кн. Потемкину, — лишь бы онымъ умѣли дѣйствовать въ томъ я твоего мнѣнія; но буде наши тамошніе начальвики, бывъ вскормлены, такъ сказать, на войнѣ, не умѣютъ воевать, то мнѣ ихъ перепекать, яки тѣсто, также нельзя же».

М. Бородкинъ.

